

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

Юркевич Е.Н.

ЛОГИКА В СИСТЕМЕ УНІВЕРСИТЕТСЬКОГО ОБРАЗОВАННЯ

Рассматривается история становления и развития философской традиции Харьковского университета. Приведены персоналии, способствующие формированию исследований в области логики и этики.

Ключевые слова: Харьковский университет, философия, логика, методология, преподавание.

Розглядається історія становлення і розвитку філософської традиції Харківського університету. Наведено персоналії, що сприяли формуванню досліджень в галузі логіки й етики.

Ключові слова: Харківський університет, філософія, логіка, методологія, викладання.

History of becoming and development of philosophical tradition of the Kharkov university is examined. Persons cooperant to forming of researches in area of logic and ethics are resulted.

Keywords: Kharkov university, philosophy, logic, methodology, teaching.

История открытия Харьковского университета неразрывно связана с деятельностью профессорского-преподавательского состава философского факультета, который был восстановлен в наше время в 2001 году. Согласно европейской традиции образования, в ряду философских дисциплин доминирующее положение всегда занимали история философии, логика и этика.

Родоначальником харьковской университетской философской традиции [4; с. 34] является немецкий философ Иоганн Баптист (Иван Егорович) Шад, который работал в должности профессора в Харьковском университете с 1804 по 1817 годы. По воспоминаниям Д. И. Багалея, Шад был «человек большого и самостоятельного ума» [1; с. 52]. «Он воспитывался на выдающихся образцах классической литературы и прекрасно владел стилем как своего родного немецкого, так равно и латинского языка. К этим внешним данным изложения присоединялась ещё несокрушимая логика его ясного светлого ума и страстное воодушевление предметом изложения, который был ему чрезвычайно дорог, составлял частицу его собственного «я»» [1; с. 50].

Ещё в юношестве в монастыре он занимался музыкой (играл на виолончели) и латинским языком. А с тонкостями схоластической логики и диалектики он познакомился в семинарии. По словам Шада, в семинарии

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

упражняли пам'ять в ущерб розвитку ума: изучали синтаксис в латыни, а не классическую мудрость. В монастыре, где он пробыл 21 год, его учили, что всякое проявление собственного ума и собственной воли есть грех. Но именно «с этого времени чтение классиков и музыка сделались любимыми занятиями Шада» [7; с. 4]. В юности он мечтал стать святым и учёным.

Логике Шад отводил центральное место в своих работах. Логика была пронизана идеей свободы в европейском её понимании. Он считал, что сущность, цель и дух его философии и всех его занятий нашли своё объяснение в работе «О свободе человеческой способности мыслить», которая была написана с дозволения философского факультета Харьковского университета по случаю производства одного из магистров факультета в доктора: «в действиях человеческой способности мыслить владычествует свобода» [2; с. 103]. В Харькове Шад также издал большой труд «Чистая и прикладная логика» (I. Schad. Institutiones philosophiae universae. Tomus I. Logicam puram et applicatam complectens, Charkoviae, 1812).

Когда с 1812-го года в Российской империи в годы царствования императора Александра I началось гонение против всего иностранного, это обратилось реакцией в области высшего образования. Министерством Народного Просвещения в лице графа А. К. Разумовского, которое проводило политику репрессий, в 1815 году было предложено Совету Харьковского университета «возводить в адъюнкты только одних русских учёных, но отнюдь не иностранцев, чтобы таким образом все кафедры перешли к русским преподавателям» [1; с. 41]. Это обострило отношения между русскими и иностранными профессорами в Харьковском университете. В 1816 году по доносу проф. И. Б. Шад был лишён профессорской должности и выслан из Харькова.

Следует также отметить, что подобная участь постигла не только Шада. По воспоминаниям Д. И. Багалея, когда в 1817 году министерство народного просвещения было преобразовано в министерство духовных дел и народного просвещения и при нём учреждён учёный комитет, в обязанности которого входило «рассмотрение книг в духе спасительного согласия между верою, знанием и властью» [2; с. 144], этим комитетом были осуждены некоторые книги известных философов России, в том числе и «Логические наставления» Петра Лодия. Эта книга доносчиком (попечителем Казанского учебного округа Магницким) характеризовалась как «исполненная наиболее небезопасных по своей нечестивости разрушающих начал» [13; с. 134]. Багалея называет эту акцию «походом против естественного права и наук», в число которых попала и логика.

Сочинения И. Б. Шада о естественном праве, так же точно как и его «Логика», представляли собой не столько учебник, сколько научный трактат, изложенный в форме систематического курса. Он несколько раз

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

устно излагался студентам, а затем был напечатан [2; с. 146]. Об этом писал не только Багaley, но и Ф. А. Зеленогорский. В отличие от раннего шелленгианства, в логике и автобиографии (которая была написана самим Шадам) есть серьёзная претензия на самостоятельную попытку философствования. По словам Зеленогорского, в предисловии к своей логике, изданной в 1812 году, он (Шад) говорит: «в чистой логике я не мог следовать никакому руководителю (*nullum ducem sequi potui*); мне нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственные идеи (*mihi, solis meis ideis innixo, nova prorsus via erat pergrumpenda*)». Так как, по его убеждению, составившемуся у него, как сам он говорит, после чтения и разбора главнейших философов всех веков, «причиною разногласий и споров между философами служит превратное истолкование логики и её законов, то он своим опытом новой логики желал оказать добрую услугу не одной только логике, но и всей философии (*non solum de logica sed etiam de universa philosophia bene mereri*)» [7; с. 162].

Гонения на Шада также непосредственно связано с его трудом по логике. Шада обвинили в том, что его ученик Гриневич в своей диссертации дословно изложил идеи Шада из неизданных записей, и эти же мысли повторялись в труде Шада по логике. Шад был выслан обратно в Германию без содержания.

В Германии была написана ещё одна его работа – «*Transcendentale Logik*». Видимо, в значительной степени благодаря идеям, изложенным в этой работе, в современной ФРГ И. Б. Шада относят к представителям трансцендентальной философии.

Необходимо отметить, что у истоков Харьковского университета мы обнаруживаем логические исследования не только представителей философского факультета. Иван Степанович Рижский, первый ректор Харьковского университета, имел широкий круг научных интересов. И, хотя главной сферой его научных исследований была лингвистика, в число его фундаментальных работ входит также работа «Умословие или умственная философия», посвящённая проблемам теории познания и логики. Особое внимание в ней уделяется формам мышления и индукции [13; с. 126]. Профессор Тимофей Фёдорович Осиповский, который заведовал кафедрой математики, а с 1813 по 1820 г.г. был ректором Харьковского университета, в 1805 году перевёл на русский язык «Логику» французского мыслителя Е. Кондильяка [13; с. 195].

Значительный вклад в историю развития логики в Харьковском университете внёс Павел Эмилиевич Лейкфельд. Будучи в должности приват-доцента Харьковского Императорского Университета, Павел Эмилиевич Лейкфельд защитил магистерскую диссертацию «Различные направления в логике и основные задачи этой науки». Рецензия на

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

диссертацию была дана профессором из Варшавы Г. Струве. В 1890 году эта рецензия была опубликована.

В своей рецензии профессор Струве отмечал, что есть разногласия относительно предмета логики, характерные для всех философских наук, и значение монографической работы Лейкфельда в том, что он проясняет и критически осмысливает этот вопрос. С этой целью Лейкфельд и рассматривал различные направления в логике.

В этой работе Лейкфельд традиционно исходит из необходимости определения предмета и задач логики и из определения средств и способов познания вещей. Струве, анализируя работу Лейкфельда, выделяет как наиболее значимые следующие основания в его исследовании. А именно, с точки зрения определения предмета: а) формальное направление (логика как наука о правильном мышлении); б) метафизическое направление (логика как наука об основных началах всеобщего бытия) и в) ноэтическое направление (логика как теория познания).

Различия между этими направлениями весьма существенны и сохраняют свою значимость также для современной логики и понимания исторического формирования логики как философской дисциплины.

Формальная логика определяет условия и нормы правильности процессов или форм мышления. Но она не рассматривает вопрос о значении правильного мышления для познания вещей и не даёт гарантий объективной истинности наших мыслей, поскольку отвлекается от смысла. Следовательно, как отмечает Г.Струве, формальная логика остаётся «только в сфере субъективного согласования форм мышления между собою и исключает из своих пределов разбор отношения этих форм мышления к данным предметам знания, вообще к объективности. Так называемая математическая логика и различные теории философского субъективизма суть в сущности только видоизменения этого формального воззрения на предмет и задачи логики» [14; с. 2].

Представители метафизической логики занимают иную позицию, в основе которой – тождество мысли и бытия. Бытие (даже самое объективное) представляет собой идею мысли. Мысль, идея составляют единственно действительное бытие, доступное для человеческого ума. Отсюда следует, что наука о мышлении является наукой о всеобщем бытии. Изучая нормы мышления, человек изучает основные законы всеобщего бытия, объективности. Метафизическая логика не обращает внимания на субъективный, индивидуальный характер мышления. Таким путём происходит полное отождествление логики и метафизики.

Ноэтическое направление определяет логику как теорию познания. Она имеет синтетический характер, объединяя субъективное и объективное начала познания. Отсюда, формальная правильность мышления – это только одно из условий истинного познания вещей. Но формальная правильность

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

ещё не гарантирует истинности. Поэтому логика должна заниматься анализом отношения формального мышления (как средств познания) к объективному бытию (как предмету познания).

С точки зрения средств и способов познания истины различают другие направления в логике. К средствам познания относятся: интуиция (непосредственное внутреннее чувство), внешнее чувство, опыт и наведение (обобщение), разум (или логическая деятельность ума). На этом основании различаются следующие направления в логике: мистическое, сенсуалистическое, эмпирическое (индуктивное) и рациональное (дедуктивное).

В отзыве также отмечается широкая эрудиция и критическое мышление Лейкфельда. В частности, Струве отмечает как наиболее интересные критические рассуждения в отношении учений Канта, Бэнеке, Лотце, Рабье и др. Он согласен с Лейкфельдом в том, что Аристотель не был представителем формальной логики в узком смысле слова, т. к. у Аристотеля логика – это «органон», аналитика познания. Особенно, по мнению Струве, заслуживает внимания историко-литературная часть описания Лейкфельдом математической логики.

В целом, позитивно оценивая логические исследования П. Лейкфельда, варшавский философ обращает внимание читателя на значение логики в университетском образовании, на то, как логика способствует успешному изучению философских дисциплин. По его мнению, преподаватель философских наук «должен стремиться к возможно точному и систематическому изложению изучаемого предмета» [14; с. 16], и этой точности и систематичности изложения и изучения философских дисциплин способствует качественное преподавание и изучение логики.

В 1898 году была опубликована новая работа П. Лейкфельда «Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям», [10] а в 1906 году – работа «О гипотетических суждениях» [11]. К этому времени Павел Эмилиевич Лейкфельд был в должности экстра-ординарного профессора Харьковского университета.

В работе «Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям» Лейкфельд продолжил свои исследования в области логики. Главной целью было рассмотрение возможности использования математической теории вероятности при построении научных гипотез. Своё исследование он соотносил с современными ему работами немецкого философа Гиллебранда, в частности, с работой «Zur Lehre von der Hypothesenbildung. Sitzungberichte der philosophisch-historischen Classe der Akademie der Wissenschaften» (Wien, 1896. Bd. CXXXIV). Однако Гиллебранд, как отмечает Лейкфельд, сосредоточил своё внимание на том, «чтобы с помощью подобного мерил

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

взвесить правило, которое предписывает брать для объяснения явлений «*veras causas*»» [10; с. 2].

Лейкфельд также касается вопроса о применении дедуктивных построений при построении гипотез. «Наиболее элементарный способ проверки гипотез, когда ограничиваются тем, что сравнивают дедуктивные выводы из предположения с наблюдаемыми фактами, не приводит к желанным результатам. Выводимость фактов ещё не доказывает построенной гипотезы» [10; с. 6]. Он спорит с Гиллебрандом, который считает априорную вероятность всякого рода «метафизических объяснений» (например, предположение относительно флогистона, которое активно обсуждалось в те годы) равной нулю, и утверждает, что все подобные гипотезы следует отвергнуть.

В дальнейшем Лейкфельд стал рассматривать возможные суждения в качестве проектов суждений [11].

Проф. Фёдор Александрович Зеленогорский работал на кафедре философии Харьковского университета с 1874 года по 1899 год, после чего был выведен за штат в звании заслуженного ординарного профессора [3; с. 209].

В 1877 году в Харькове была опубликована работа Ф. А. Зеленогорского «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства» [5]. В этой работе он исследовал историю появления логики в ряду других наук, оценку значения логики философами интуитивной (метафизической) школы (Канта и Гегеля) и индуктивной школы (Бэкона, Догальда Стюарта, Д.-С. Милля). Отдельно подробным образом Зеленогорским были исследованы различные логические методы. Геометрический метод как метод элеатских мыслителей и древних геометров, происхождение первого из последнего (Платон, Декарт), важность и значение изобретения геометрического метода (синтеза и анализа) для наук вообще и философии. Метафизический метод изучался как происшедший из геометрического, затем обособившийся и приобретший свои основания. Здесь же исследуются и законы человеческого разума (законы тождества, противоречия, исключённого третьего и достаточного основания). В самостоятельной главе рассматривается логика Аристотеля: зависимость его логических трактатов («Топики», «Первой и Второй аналитик») от логических методов предшественников (теория родов и видов у Сократа и Платона). Затем Зеленогорским изучается творчество Бэкона как философского реформатора на основании работы «*Novum Organum*», приёмы индуктивного метода Бэкона. Рассматривается также употребление индуктивного метода в нравственных науках и достижения ближайших последователей Бэкона (Лондонского королевского общества естествоиспытателей, Бойля, Гассанди и др.). Вслед за Бэконом подробно изучается происхождение метода Декарта, его «*Discours de la méthode*».

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

Правила метода, его психологические основания, применение. Затем – учение Гоббса о методе, преобразования схоластической логики, логика Порт-Рояля, логические учения Бернулли, Кондильяка и других французских философов. Особое внимание уделяется «Правилам философствования» Ньютона, сходству методов Локка с методами Ньютона, учению Локка об аналогии. Формирование логического метода XVIII столетия: метод Гертли и его «Теория вибраций», метод Пристли и др. Метод французских писателей Далямбера, Кондильяка, Гельвеция, Деляметри, Бонне, Лавуазье, Линнея и Жюссье. Отдельно рассматривается происхождение критического метода: учения Гоббса, Локка, Беркли, Юма. А также прирождённый индуктивный принцип по учению шотландских философов Рида, Догальда Стюарта, Броуна. Заключает работу изучение наблюдения и опыта. Зеленогорский описывает стремление к обособлению индуктивного метода от математики. Исследует значение наблюдения, эксперимента и метода исключения, даёт сравнительный анализ наблюдения и эксперимента в научных исследованиях, а также учений Гершеля и Д.-С. Милля.

В 1879 году в январском номере «Критического обозрения» была опубликована критическая статья профессора Троицкого, в которой обсуждались идеи труда Зеленогорского «О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства» (1877). В том же году Ф. Зеленогорским был опубликован «Ответ профессору Троицкому», где он называет свою книгу исторически исследованием по логике и высказывает несогласие с критикой.

В своей работе «О преподавании философии в университете» [8] Зеленогорский отмечал, что формирование системы преподавания философских дисциплин в Харьковском университете проходило не просто. В частности, он писал: «Незавидное положение занимала и занимает философия в наших университетах. С введением кафедры философии по университетскому Уставу 1863 года нельзя сказать, чтобы дружелюбно встречено было это нововведение в преподавание университетских курсов. С одной стороны, явилось опасение, чтобы с кафедры не стали открыто проповедовать под той или другой формой материализм и подрывать основы религии; с другой стороны, явилась боязнь, что в лице преподавателя философии является в университет помощь преподавателю теологии. Как бы то ни было, только по новому университетскому Уставу 1884 года преподавание философии в университете сведено было на одно лишь чтение творений Платона и Аристотеля. К счастью, это продолжалось недолго, и чтение философских курсов было восстановлено в университете. Что же полагается читать в университете по философии? Формальную логику, описательную психологию и историю философии» [8; с. 1]. Ситуация с преподаванием философских курсов, возникшая из идеологических

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

опасений, на самом деле негативно влияла на просвещение людей. Зеленогорский подчёркивает, что подобное отношение со стороны властей привело к тому, что университетское преподавание философских курсов (в том числе, логики) не могло в достаточной степени влиять на духовное развитие общества. Пожалуй, вечной проблемой составления учебных программ было соотнесение их с увлечениями интеллигентного русского общества в области философии. В этом смысле, эти увлечения не входили в программу преподавания философии в университете. С другой стороны, как отмечал Зеленогорский, преподавание философских курсов в университете велось на историко-филологическом факультете, на котором обычно училось наименьшее количество студентов (всего два-три десятка). «Понятно, – пишет Зеленогорский, – что русское интеллигентное общество оставалось, собственно говоря, без философского образования» [8; с. 2].

Таким образом, в связи с ограниченным изучением истории философии и совершенной не изученностью современной западноевропейской философии, а также в связи с неразвитостью соответствующей философской культуры мышления (логики), не могло развиваться и критическое отношение к западной философии и новым философским системам. «В умах наиболее развитых и научно образованных нередко можно было встретить смешение позитивизма Конта с материализмом Бюхнера и эволюционизмом Спенсера и Дарвина. Конечно, вследствие того же отсутствия философского образования так легко и быстро сменялись в публике увлечения различными философскими направлениями, появившимися в заграничной философской литературе» [8; с. 2]. Печально то, что пренебрежительное отношение к философской эрудиции и логике привело в результате к тому, что в Харьковском университете должной силы не смогло набрать то необходимое философское самопознание, т. е. познание реалий российского общества, которое было так необходимо (хотя и не осознаваемо) самому обществу.

Вследствие этого, недостижимым авторитетом для Зеленогорского остаётся западноевропейский университет с его организацией философского образования. Ведь там, по словам Зеленогорского, «стремятся к тому, чтобы общие философские курсы, как-то: логика, психология, метафизика и этика читались не одним студентам историко-филологического факультета (какового там нет), а всем студентам философского факультета (Германия), в который входят кроме гуманитарных наук науки математические, механика, физика, химия, биология со всеми их отраслями и конкретными науками» [8; с. 3].

В советский период отношение к логике резко изменилось. Так и не найдя в системе отечественного образования достойного места, логика оттесняется в разряд второстепенных дисциплин. Многие годы логика читается только в высших партшколах и на юридических факультетах

3 ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

(інститутах). В науке логике происходит реакция, обусловленная вмешательством советской идеологии. На Украине в 50-е годы ведутся споры относительно формальной и диалектической логики с позиций материалистической диалектики, которые практически ни к чему позитивному так и не привели. Кроме того, «под формальной логикой неизменно имелась в виду аристотелевская логика, в то время как по адресу математической логики выдвигались грубые и бессмысленные обвинения... Трудности в развитии философской науки были вызваны и теми обстоятельствами, которые сложились в области логики... Некоторые украинские авторы, как и другие советские философы, прямо декларировали «вред математической логики», как науки, представители которой не только «отбрасывают традиционную логику, логику Аристотеля», а и ведут к тому, что «разум мыслящий подменяется разумом исчисляющим»» [13; с. 502-503]. В послевоенные годы логика, согласно марксистско-ленинскому учению, развивалась в единстве с диалектикой и теорией познания в марксистской философии.

Таким образом, в истории Харьковского университета в дореволюционный период начала складываться научная традиция логических исследований. И, хотя харьковские философы высказывали неудовлетворённость относительно организации системы философского образования и места логики в ней (сравнивая отечественную систему образования с немецкой моделью, признанной в Европе), тем не менее, на кафедре философии проводились научные исследования в области логики. Главными направлениями в этой работе были: переосмысление предмета логики, исследования в области истории логики для определения тенденций развития европейской логики, анализ возможностей математизации индуктивного метода и научной гипотезы, а также различные аспекты логического знания применительно к философской методологии. К сожалению, эта традиция была насильственно прервана, так и не получив своего дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багалея Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. – Х., 1904. – 1104 с.
2. Багалея Д. И. Удаление профессора И. Б. Шада из Харьковского университета. – Х., 1899. – 147 с.
3. Голиков С. А. А. Ф. Зеленогорский об особенностях развития древнегреческой философии / С. А. Голиков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 474'2000. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2000. – С. 209-214.

З ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА

4. Голиков С. А. Возникновение университетской философии в Харькове и религиозный контекст / С. А. Голиков // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. № 547'2002. Філософські перипетії. Серія: філософія. – Х., 2002. – С. 31-34.
5. Зеленогорский Ф. А. О математическом, метафизическом, индуктивном и критическом методах исследования и доказательства. – Х., 1877. – 245 с.
6. Зеленогорский Ф. Ответ профессору Троицкому. – Х., 1879. – 13 с.
7. Зеленогорский Ф. А. Ив. Г. Шад. – Х. – С. 160-169.
8. Зеленогорский Ф. А. О преподавании философии в университете. – Х., 1902. – 8 с.
9. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. Изд. 2-е, испр. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
10. Лейкфельд П. Э. Математическая формула для определения вероятности гипотез в её приложении к научным построениям. – Х., 1898. – 7 с.
11. Лейкфельд П. Э. О гипотетических суждениях. – Х., 1906. – 25 с.
12. Лодий П. Логические наставления. – С.-Пб, 1815. – 480 с.
13. Нарис історії філософії на Україні. – К.: Наук. думка, 1966. – 656 с.
14. Отзыв проф. Г. Струве о магистерской диссертации приват-доцента Императорского Харьковского Университета П. Лейкфельда «Различные направления в логике и основные задачи этой науки». – Х., 1890. – 17 с.

Дениско Л. Н., Фролова О.В.

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРИОД 1933-1941 ГОДОВ

Рассматривается научно-исследовательская и учебная деятельность кафедры философии Харьковского университета в предвоенные годы, которые стали наиболее трагическими в ее истории..

Ключевые слова: *история, философская мысль, преподавание, репрессии.*

Розглядається науково-дослідна та навчальна діяльність кафедри філософії Харківського університету в передвоєнні роки, які стали найбільш трагічними в історії її існування.

Ключові слова: *історія, філософська думка, викладання, репресії.*

Activity of department of philosophy of the Kharkov university in before war years which became most tragic in its history research and educational is examined..